КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Апрѣля № 7. 1863 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

СЛОВО
НА СВЯТУЮ ПАСХУ.

Се пріиде крестомъ радость всему міру, пріидите вси вѣрніи поклонимся святому Христову Воскресенію, всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе Его, распятіе бо претерпѣвъ, смертію смерть разруши. Пѣснь церкви.

По сказанію евангелиста Луки, когда двое отъ учениковъ Іисуса Христа, на пути въ Еммаусъ, внимали невѣдомому путнику, бесѣдовавшему съ ними о воскресеніи Господа, то въ нихъ сердце исполнялось огнемъ Божественной радости; почему они и просили неузнаннаго въ путникѣ Іисуса—остаться съ ними въ Еммаусѣ, надѣясь еще болѣе услышать о своемъ воскресшемъ Господѣ:

и нуждаста Его, глаголюще: облязи съ нама, яко къ вечеру есть и преклонился есть день (Лук. 24, 29). Такъ пріятна была для учениковъ Господа бесѣда о воскресшемъ Господѣ; такъ радостно для нихъ было слово о воскресеніи Спасителя!

Что бр., скажемъ вамъ и нынѣ о воскресшемъ Господѣ отъ лица св. церкви, кромѣ слова радости, которая нынѣ сама собою выражается какъ въ душахъ, такъ и во внѣшности христіанъ? „Се пріиде крестомъ радость всему міру. Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь.“

Когда Господь пречистою плотію почивалъ во гробѣ, не было мѣста гласу радованія и веселія. Померкло солнце, кагда Господь славы висѣлъ на крестѣ, и тьма бысть по всей земли; но еще большая тьма недоумѣній и сомнѣній распространялась у гроба, въ которомъ до времени сокрытъ былъ источникъ жизни, куда сокрылось солнце правды—Христосъ Богъ. Зря Господа во гробѣ и потомъ на крестѣ, нельзя было не спросить въ смущеніи: что будетъ съ грѣшнымъ родомъ человѣческимъ? Кровь завѣтная пролита, жертва совершена; но Спаситель во гробѣ. Кто же вознесетъ къ Богу Отцу Его жертву о грѣхахъ нашихъ? Кто засвидѣтельствуетъ предъ небомъ и землею, что сія жертва пріятна Богу,—что крестныя заслуги Спасителя удовлетворили правосудію Божію? Не останемся ли мы навсегда рабами грѣху и діаволу, и проклятіе не вѣчно ли будемъ тяготѣть надъ родомъ человѣческимъ?—Искупитель во гробѣ: какая же надежда остается для насъ? На кого уповать—въ сей жизни, къ кому прибѣгнуть въ несчастіяхъ, въ чіи руцѣ предадимъ духъ свой въ смерти,—какое блаженство ожидаетъ насъ по смерти, кто утвердитъ насъ въ чаяніи воскресенія? —Избавитель во гробѣ: гдѣ же пристанище грѣшнымъ душамъ, гдѣ ихъ упокоеніе? Небо не приметъ грѣшниковъ, а болѣе нѣтъ имъ мѣста, кромѣ ада. Подобныя скорбныя помышленія могли входить въ смущенныя сердца душъ и вѣрныхъ Господу, въ предшествовавшіе дни, у гроба Спасителя нашего. Тамъ не было еще мѣста гласу радованія и веселія; тамъ можно было только или повторять съ учениками

Господа: *мы надѣяхомся, яко сей есть хотяй спасти Израиля* (Лук. 24, 21); или молиться съ пророкомъ: *воскресни Боже, суди земли* (Псал. 81, 8)!—Но се пріиде крестомъ радость всему міру, отъ гроба намъ свѣтъ возсія, Христосъ воста—веселіе вѣчное!

Итакъ возрадуйтеся и возвеселитесь нынѣ—вси въ протекшіе дни скорбѣвшіи у гроба Господня. Радуйтеся и паки реку радуйтеся; и печаль ваша въ радость да обратится. Воскресъ Христосъ истинный Богъ, и тѣмъ показалъ, что его ученіе истинно, Божественно; восторжествовала правда Божія, воскресъ утѣшитель бѣдныхъ, цѣлитель болѣзней душевныхъ и тѣлесныхъ, врачъ хромыхъ и слѣпыхъ. Воскресъ въ третій день по своему слову; слѣдовательно вѣрно слово, что вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и оживутъ (Іоан. 5, 28); воскресъ съ язвами на пречистѣй плоти своей, чтобы показать ихъ Богу Отцу и преклонить Его на милость къ грѣшному роду человѣческому, будучи всегда живъ, чтобы ходатайствовать о насъ (Мат. 22, 32).; воскресъ съ пречистою плотію; слѣдоват. не забудетъ и насъ, умирающихъ съ вѣрою въ Него (Мат. 22, 32).; воскресъ во славѣ, слѣдовательно и насъ нѣкогда воздвигнетъ съ Собою, не оставитъ въ тлѣніи, но преобразитъ тѣло смиренія нашего. Радуйтеся убо вси; ибо воскресъ, и ктому уже не умираетъ Спаситель нашъ, Іисусъ Христосъ—похвала младости, утѣшеніе старости, животъ въ смерти, надежда по смерти нашей;—смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе и инаго житія вѣчнаго начало.

Но особенно—да обратится слово радости о Воскресшемъ Господѣ—къ вамъ, бр., радующіеся нынѣ сквозь слезы, къ вамъ души обремененныя бѣдствіями временными, забывающія снѣсти хлѣбъ отъ гласа воздыханій многихъ и питіе свое растворяющіе слезами,—къ вамъ—Христіане, терпящимъ недуги, неотразимое убожество, гоненія, преслѣдованія и другія бѣдствія. Никто, скажемъ съ Златоустымъ, да не рыдаетъ убожества, явися бо общее царство; торжеству о воскресеніи Господа не приличны плачь и сѣтованіе. Вскую

прискорбна—душа ваша, и вскую смущаетъ васъ нынѣ? Уповайте на воскресшаго Господа, живъ вашъ помощникъ и защититель: отъ Него—спасенie ваше. Зачѣмъ вы такъ неутѣшны въ бѣдности, малодушны въ болѣзняхъ, отчаеваетесь въ гоненiяхъ?—Спаситель нашъ, истинный Богъ воистину воскресе: и вѣрьте, брат., что напитавшiй пятью хлѣбами пять тысячь народа пропитаетъ и васъ, бѣдные не всегда будутъ бѣдными; восторжествовала правда Божiя, и вѣрующiе во Iисуса Христа не всегда будутъ гонимы и презираемы. Воскресъ исцѣлявшiй недуги словомъ, воскресъ своимъ гласомъ Божественнымъ укрощавшiй морскую бурю: вѣрьте—Онъ, Господь нашъ, уврачуетъ и ваши немощи, утишитъ яростныя волны житейскаго моря, воздвизаемаго напастей бурею. Васъ презрѣлъ мiръ; но воскресъ Господь, называвшiй васъ другами своими. Воскресъ глаголавшiй: *яко восплачетесь и возрыдаете, а мiръ возрадуется: но печаль ваша въ радость будетъ* (Iоан. 15, 14, 16, 20). Грядый на вольную страсть и смерть Господь тако вамъ вѣщалъ: *да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ мя вѣруйте; въ дому Отца моего обители многи суть, неоставлю васъ сиры, прiиду къ вамъ и поiиму вы къ себѣ* (Iоан. 14. 18): и Онъ всеблагiй не оставилъ насъ сирыми, но воскресъ и явился мiру. Посему теперь вѣрно одно только будущее; настоящее—мало, велико ли—ничто. Чѣмъ утѣшался въ страданiяхъ и великiй страдалецъ—Iовъ? Упованiемъ на Искупителя нашего, имѣющаго нѣкогда собрать къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ: *вѣмъ*, говорилъ онъ, *яко приснос ущенъ есть, иже имать искупити мя и на земли воскресити кожу мою, терпящую сiя* (Iов. 19, 25). Правда, иногда горьки страданiя, невыносимы бѣдствiя; но не надлежало ли и Христу пострадати, и тако внити въ славу свою? Не забывайте, брат., что на этой же бѣдной землѣ жилъ въ бѣдности и нищетѣ, алкалъ и жаждалъ Спаситель нашъ; на этой землѣ Онъ страдалъ за насъ, умеръ, погребенъ и теперь воскресъ во славѣ. Не печалься же, христiанинъ, отнынѣ сiя земля—преимущественное достоянiе твоего воскресшаго Спасителя, предметъ особенныхъ Его попеченiй и любви.

Послѣ труждающихся и обремененныхъ къ кому скорѣе должно обратиться слово радости о воскресшемъ Господѣ, если не къ вамъ — грѣшники, согбенные подъ тяжестію грѣховъ? Души благія по природѣ, любящія всякое добро, но слабыя волею и ежечасно впадающія въ грѣхъ! Вы чувствуете великость своихъ преступленій, васъ ежедневно мучитъ совѣсть, и ежечасно умножаетъ ваши страданія, убивая мыслію, что мы сами виновны въ своихъ преступленіяхъ; вы страшитесь гнѣва Господня.—Утѣшьтесь, брат., и не ужасайтесь; никтоже да плачетъ нынѣ прегрѣшеній, вѣщаетъ св. Златоустъ, прощеніе бо отъ гроба возсія. Воскресъ пришедый *призвати не праведники, но грѣшники на покаяніе*. Онъ для того и приходилъ на землю, *да разрушитъ дѣла діаволя и избавитъ сихъ, елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ* (Евр. 2, 15); для сего Господь и воскресъ, *во еже не ктому намъ работати грѣху, но умершему за насъ и Воскресшему* (Римл. 6. 6); прошелъ небеса *единою о грѣсѣхъ нашихъ принесъ жертву, вѣчное искупленіе обрѣтый* (Евр. 9, 12). Радуйтеся же о воскресшемъ Господѣ. Если и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, Ходатая имѣемъ ко Отцу не человѣка, но воскресшаго нынѣ Господа Іисуса Христа: Онъ одинъ имѣетъ власть отпущать грѣхи, и пріемлетъ въ Царство свое мытарей и разбойниковъ. Молитесь только съ усердіемъ воскресшему Спасителю; ибо Онъ же, грядый на вольную страсть, училъ: *просите и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ* (Іоан. 16. 24).

Наконецъ—кому въ особенности можетъ быть болѣе радостнымъ слово радости о воскресшемъ Господѣ, если не вамъ—печальныя семейства, оплакивающія ближнихъ и родственниковъ вашихъ нерѣдко въ самые свѣтлые дни Пасхи? Кому оно отраднѣе, если не вамъ,—матери, лишившіяся дѣтей? Кому, если не вамъ—сироты, въ могилѣ погребшіе любившихъ васъ родителей?—Утѣшьтесь, не печальтесь! Какой матери скорбь сравнится съ печалію Матери Божіей, Пресвятой Дѣвы—Маріи, когда она узрѣла своего сына и Господа умерщвленнымъ на крестѣ, среди разбойниковъ? Поистиннѣ оружіе тогда прошло ея душу. Но

нынѣ весь міръ къ ней взываетъ: чистая, радуйся о востаніи Рождества твоего. Велика была печаль Муроносицъ, съ ранняго утра рыдавшихъ у гроба Господня; но воскресшій Господь преложилъ имъ печаль въ радость. Уповайте же на Господа,—и вѣрьте, что нѣкогда вси сѣющіе слезами радостію пожнутъ.—Христосъ воскресе! Зачѣмъ мы такъ маловѣрны при смерти ближнихъ нашихъ,—скорбимъ якоже не имущіи упованія? Будемъ лучше молиться о умершихъ Умершему за насъ и воскресшему Господу.—*Вѣруяй въ мя*, говоритъ Онъ, *аще и умретъ*, *оживетъ* (Іоан. 11, 25). Вѣрьте же, брат., что и ближніе наши не всегда будутъ во гробѣ, землею и прахомъ: Христосъ воскресе, и нѣкогда совоскреситъ съ собою всѣхъ почившихъ со упованіемъ на Него; и всѣ они получатъ вѣчную жизнь и вѣчное блаженство. Воскресеніемъ Іисуса Христа умерщвлена уже смерть, разрушенъ адъ, и пріобрѣтено намъ право на другую жизнь лучшую, совершеннѣйшую, въ отношеніи къ которой настоящая жизнь есть только начатокъ.—Правда, смерть ближнихъ лишаетъ насъ многихъ радостей въ сей жизни, которая и безъ того такъ бѣдна ими; но не осталось ли для насъ лучшее утѣшеніе въ воскресшемъ Господѣ нашемъ, Іисусѣ Христѣ? Не вѣчно и мы разлучены съ своими родственниками и ближними; увидимся съ ними нѣкогда, если любимъ Господа Іисуса Христа, Который есть воскресеніе и животъ. Онъ воскресъ и пребываетъ во вѣки, а съ Нимъ и вси вѣрующіе въ Него. Итакъ, чѣмъ чаще будемъ отнынѣ воспоминать о воскресшемъ Господѣ, Владыкѣ живыхъ и мертвыхъ: тѣмъ вѣрнѣе наша надежда соединиться опять съ близкими и друзьями; и воистину они нѣкогда сами встрѣтятъ насъ съ радостію, если мы перейдемъ къ нимъ съ упованіемъ на воскресшаго нашего и ихъ Господа, въ надеждѣ воскресенія.

Христосъ воскресе! Да веселятся убо небеса, да радуется же земля; да празднуетъ міръ—видимый же весь и невидимый: Христосъ бо воста—веселіе вѣчное. Христосъ воскресе! Возрадуемся и возвеселимся вси.—Но радость наша да будетъ радостію истинною, радостію пріят-

ною воскресшему Господу. А она будетъ такою, если мы будемъ выражать ее въ чувствахъ благодарности Спасителю нашему и частомъ посѣщеніи храма Господня, храня себя въ чистотѣ и непорочности, остерегаясь невоздержанія, безчинныхъ игръ и дѣйствій и всякаго грѣха. Усугубится радость наша, если мы прольемъ ее въ жилища бѣдности и нищеты, дабы никто не скорбѣлъ во дни веселія; если утѣшимъ печальныхъ и заключенныхъ, дабы не омрачилось свѣтлое наше празднество; если выразимъ нашу радость прощеніемъ обидъ, любовію ко всѣмъ, по заповѣди воскресшаго Господа — возлюбимъ другъ друга, якоже онъ возлюбилъ насъ (Іоан. 13, 34).

Богъ же мира, возведый изъ мертвыхъ Пастыря овцамъ великаго кровію завѣта вѣчнаго, Господа нашего Іисуса Христа, да совершитъ вы въ настоящіе дни во всякомъ дѣлѣ блазѣ, сотворити волю Его, творя въ васъ благоугодное предъ Нимъ, Іисусомъ Христомъ, Емуже слава во вѣки вѣковъ аминь (Евр. 13, 20 21).

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ДУХОВЕНСТВА.

Радостная вѣсть объ учрежденіи, по Высочайшему повелѣнію, Комиссіи для изысканія мѣръ къ улучшенію быта православнаго духовенства, конечно, обошла всѣ концы Россіи. Много толковъ поднимается по этому вопросу со всѣхъ сторонъ, много новыхъ надеждъ возбуждается въ тѣхъ, кто естественно наиболѣе заинтересованъ рѣшеніемъ этого вопроса. Одна вѣсть объ этомъ новомъ доказательствѣ попечительнаго вниманія Всемилостивѣйшаго Государя нашего не можетъ не отозваться чувствомъ самой глубокой признательности къ Царю, который едва не каждый годъ своего царствованія ознаменовываетъ какими нибудь важными мѣрами для увеличенія благосостоянія своихъ подданныхъ. Эта признательность должна одушевлять каждаго надеждою на желанный исходъ разсужденій Комиссіи, который тѣмъ возможнѣе, что желанія нашего духовенства слишкомъ скромны, а положеніе большинства между нимъ таково, что всякая перемѣна нынѣшняго быта не можетъ клониться къ худшему и будетъ непремѣнно благодѣяніемъ. Одно то, что вниманіе настоящей Комиссіи обращено равномѣрно на духовенство всей русской церкви составляетъ уже большое преимущество ея предъ прежними учрежденіями такаго рода, имѣвшими въ виду только нѣкоторыя части имперіи. Теперь вопросъ не только въ томъ, чтобы уравнять положеніе западно-русскаго духовенства съ положеніемъ велико-русскаго, но и въ томъ чтобы улучшить бытъ всего духовенства. Этимъ самымъ правительство свидѣтельствуетъ, что оно не признаетъ достаточно обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи и ту часть духовенства, положеніе которой до сихъ поръ представлялось наивыгоднѣйшимъ. Духовенству русской церкви, значитъ, остается теперь ожидать новыхъ пособій, новыхъ средствъ жизни, большихъ удобствъ. Между тѣмъ мы знаемъ, что не всѣ равно питаютъ отрадныя надежды на будущія улучшенія, которыя дѣйствительно можно бы

было назвать этимъ именемъ. Назовемъ-ли такое недовѣріе неблагодарностію? Нѣтъ, нужно слишкомъ мало знать наше духовенство, чтобы приписать ему этотъ порокъ. Неполное довѣріе къ счастливому, желанному исходу дѣла есть только слѣдствіе опыта и немногихъ соображеній. Духовенство нашего края уже около 30 лѣтъ знакомо съ разными проэктами и мѣрами правительства, клонящимися къ тому, чтобы дать возможность служителямъ церкви занять въ обществѣ то мѣсто, какое по всѣмъ правамъ должно принадлежать имъ. И если оно при всемъ томъ не можетъ назваться благоденствующимъ и видитъ, что и правительство, сдѣлавши такъ много до сихъ поръ, желаетъ большаго, то конечно въ правѣ заключить, что, идя тѣмъ же путемъ, развивая, усиливая прежнія мѣры, если бы это и было возможно,—нельзя сдѣлать многаго. Съ другой стороны не много нужно знанія настоящаго порядка вещей, не много соображеній, чтобы понять, что усиленіе нынѣшнихъ матеріальныхъ пособій духовенству, со стороны правительства, едва ли возможно.

Не говоря о частныхъ разговорахъ, стоитъ припомнить все то, что въ разное время писалось въ журналахъ о положеніи нашего духовенства. Кажется, не осталось ни одной стороны матеріальнаго обезпеченія въ нынѣшнемъ его видѣ, недостаточность которой не была бы показана въ журнальныхъ статьяхъ и замѣткахъ*). Мы прибавимъ, что, оставаясь при теперешнихъ началахъ обезпеченія духовенства, нѣтъ возможности устранить эту недостаточность. Нѣсколько числовыхъ указаній всего яснѣе подтвердятъ нашу мысль.

Главную, болѣе постоянную и вѣрную статью обезпеченія духовенства, составляетъ нынѣ жалованье отъ правительства. Оно представляетъ въ глазахъ священника твердый капиталъ, на который единственно можетъ расчитывать священникъ, не прибѣгая ни къ какимъ теоріямъ вѣроятностей. И потому очень естественно, что, оставаясь

*) Намъ кажется, что объ этомъ предметѣ еще-мало писали у насъ. *Ред.*

на нынѣшнихъ началахъ обезпеченія, духовенство видитъ единственное средство обезпеченія въ увеличеніи жалованья. Одни желаютъ того съ оставленіемъ всѣхъ прежнихъ угодій за ними; другіе готовы отказаться отъ всякаго рода другихъ пособій.—Само собою разумѣется, что сообразно съ этимъ измѣняется и цыфра желаемаго жалованья. Въ самомъ дѣлѣ недостаточность нынѣшнихъ окладовъ жалованья духовенству превышаетъ всякое вѣроятіе. Окладъ жалованья ни одного духовнаго лица, отъ высшихъ сановниковъ церкви до низшихъ степеней служенія церковнаго, не можетъ равняться часто и въ половину съ окладами жалованья лицъ другихъ вѣдомствъ, иногда даже и въ томъ случаѣ, если къ жалованью духовнаго лица прибавить и разныя пособія, восполняющія ограниченность денежнаго жалованья. Какъ ни много значить въ глазахъ иныхъ опредѣленіе достоинства лицъ и сословій степенью вниманія, оказываемаго правительствомъ въ окладѣ-ли жалованья или въ другихъ поощреніяхъ, (нерѣдко чиновникъ, получающій отъ правительства 1000 р., смотритъ съ высока на священника потому только, что послѣдній получаетъ менѣе 200, иногда и въ трое менѣе рублей),—большинство нашего духовенства еще не усвояло бы жалованью этой нравственной стороны, еслибы только жалованье давало возможность сколько нибудь покрывать расходы. Но въ томъ и бѣда, что жалованье священническое, (не говоримъ уже о низшихъ степеняхъ духовенства), не можетъ удовлетворить самымъ насущнымъ потребностямъ. Возьмемъ среднюю цыфру нынѣпняго жалованья священника; ее можно опредѣлить въ 130 р. (между 200 и 80 р.). Можетъ-ли эта ограниченная сумма, на которую теперь съ презрѣніемъ смотритъ перворазрядный писецъ любаго присутственнаго мѣста, — человѣкъ молодой, одинокій, имѣющій впереди надежду на большее, а иногда и получающій большее, — можетъ ли она удовлетворить самымъ законнымъ, самымъ насущнымъ требованіямъ священника—человѣка семейнаго? Мало-ли обстоятельствъ въ жизни, когда никакія льготы, никакія угодія и доходы натурою не могутъ замѣнить даже ограниченной

суммы наличныхъ денегъ? Молодому человѣку, только что сдѣлавшемуся самостоятельнымъ семьяниномъ—хозяиномъ, необходимо многое заводить вновь; а для сего нужны деньги. Прожившему нѣсколько лѣтъ на приходѣ священнику приходитъ время отправлять дѣтей въ городское училище, въ семинарію. Самое скромное содержаніе сына въ городѣ не можетъ стоить менѣе 100 р., и притомъ большая часть этой суммы нужна наличными деньгами въ опредѣленное время, а не когда вздумается, или когда есть возможность. А если у священника два, три сына?.. И еще послѣ этого говорятъ о бѣдности, о жалкомъ положеніи семинаристовъ, препятствующемъ ихъ развитію! Воспитаніе дочерей, приготовленіе хотя скуднаго приданаго, опять требуетъ наличныхъ денегъ. Не говоримъ о самомъ скромномъ обезпеченіи семейства на случай смерти главы его; оно въ большей части случаевъ заключается не въ деньгахъ, а въ томъ, что собрано въ домѣ въ продолженіи долголѣтней службы. А кто не знаетъ, что значитъ подобнаго рода обезпеченіе, когда, оставляя церковный домъ, семейство умершаго священника должно спѣшить по необходимости распродажею вещей и хозяйственныхъ принадлежностей, добытыхъ въ теченіи многихъ лѣтъ, быть можетъ, со многими лишеніями? Все идетъ за полцѣны, если не менѣе, и семейство на эти скудные гроши должно существовать до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается новымъ бременемъ уже не главѣ своему, а или одному изъ своихъ членовъ или человѣку постороннему, получившему мѣсто съ обязательствомъ содержать осиротѣлую семью.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не пожелать увеличенія жалованья? Но, не говоря о томъ, что ни въ какомъ родѣ службы казенное жалованье не можетъ обезпечить всѣхъ потребностей, условливаемыхъ и семейнымъ бытомъ и положеніемъ извѣстнаго лица въ обществѣ и непредвидѣнными обстоятельствами жизни, достаточно обратить вниманіе на нѣсколько цыфръ, чтобы убѣдиться въ невозможности какой нибудь прибавки къ суммамъ, назначаемымъ отъ правительства въ нынѣшнихъ размѣрахъ.

По отчету г. синодальнаго оберъ-прокурора за 1860

г., жалованьемъ отъ правительства обезпечено 16,658 причтовъ,—на что правительствомъ употреблено 3,472,506 р., что составляетъ по 208 р. на причтъ, или среднимъ числомъ по 70 р. на одно семейство или одно служащее лице. Оставляя жалованье въ тѣхъ же размѣрахъ, можно высчитать, что для удовлетворенія жалованьемъ 114,037 лицъ, составляющихъ наличное число служащаго духовенства, потребуется вмѣсто нынѣшнихъ 3½ м., постепенно внесенныхъ въ роспись государственныхъ расходовъ, вдругъ и ежегодно 7,982,590 р. Что же сказать, если самыя скромныя желанія духовенства ограничить только удвоеніемъ нынѣшняго оклада? Это составитъ болѣе 15 м. новаго ежегоднаго расхода Если-бы и дѣйствительно подобное увеличеніе было совершенно достаточно (чего впрочемъ нельзя сказать), если бы далѣе было-бы совершенно справедливо одну часть служителей церкви обезпечить болѣе, а другую, со включеніемъ сюда лицъ чернаго духовенства, всего духовно-учебнаго вѣдомства, всѣхъ чиновниковъ служащихъ въ интересахъ духовенства, оставить при нынѣшнемъ болѣе нежели ограниченномъ содержаніи; то спрашивается, откуда правительству взять ежегодно эту значительную часть новаго расхода? Благодаря новѣйшимъ Высочайшимъ постановленіямъ состояніе нашихъ финансовъ ни для кого не тайна, всякій умѣющій читать можетъ знать и доходы и расходы государственнаго казначейства. Конечно, не долго думая, можно сказать, что эту потребную сумму можно составить чрезъ увеличеніе налога на тѣ лица, которые и теперь платятъ государственные подати. Но да не попуститъ Богъ, чтобы духовенство легло новымъ бременемъ на народъ и особенно въ то время, когда само правительство заботится облегчить прежнюю систему податей, лежавшихъ только на одной и притомъ бѣднѣйшей части народонаселенія. Быть можетъ, люди, знакомые болѣе насъ съ тонкостями финансовыхъ операцій, могли-бы изыскать новыя статьи доходовъ, которые безобидно для всѣхъ поступили-бы въ пользу духовенства. Допустимъ на время возможность этого, лишь бы только эти новыя средства не заключа-

лись въ какой нибудь монополіи. Въ настоящее время конечно уже невозможно возвращеніе къ древнимъ порядкамъ, по которымъ, въ слѣдствіе просьбы причта о пособіи отъ правительства, для поддержанія вновь выстроенной церкви, назначалась извѣстная доля кабацкихъ доходовъ. Въ старину не понимали всего неприличія подобной помощи и въ простотѣ сердца дѣлали доброе дѣло, не заботясь объ источникахъ, изъ которыхъ открывается для того возможность. Но и теперь есть защитники монополій въ пользу церкви. Одна изъ такихъ монополій представляется геніальнымъ изобрѣтеніемъ, создавшимъ духовно-учебный капиталъ, возросшій болѣе нежели въ 50 лѣтъ до того, что можетъ приносить ежегоднаго дохода около 1 м. р., но при этомъ забываютъ, что сумма ежегодныхъ расходовъ по духовно-учебному вѣдомству превышаетъ болѣе, нежели вдвое процентный доходъ. Что же? образовавши новую статью церковной монополіи, или усиливши прежнюю, захотятъ-ли этимъ поставить все духовенство русской церкви въ то положеніе, въ какомъ находятся съ финансовой стороны наши духовно-учебныя учрежденія?

Но пусть, говорю, финансовые спеціалисты откроютъ самые надежные, самые безобидные источники дохода для увеличенія жалованья духовенства. Можно—ли довольствоваться этимъ, можно—ли желать этаго?

Мы не станемъ говорить, что вовсе нѣтъ нужды въ жалованьѣ отъ правительства; но не побоимся порицаній— за убѣжденіе въ томъ, что не жалованье должно составлять главное обезпеченіе содержанія духовенства. То, что теперь называется казеннымъ жалованьемъ, должно и на будущее время служить не къ полному обезпеченію духовенства, а только доказательствомъ, что правительство признаетъ духовенство сословіемъ, необходимымъ въ государствѣ собственно изъ видовъ государственныхъ, и потому готово съ своей стороны дѣлать ему нѣкоторыя пособія, но не доставлять полнаго обезпеченія, ибо это показывало бы что духовныя лица обязываются служить, исключительно видамъ правительства. Не напрасно, при первой постановкѣ вопроса о жалованьѣ духовенству, нѣкоторые возставали противъ этаго нововведенія. Правда,

можетъ быть, они брали во вниманіе одну только сторону вопроса, именно отношеніе духовенства къ государству и народу; они быть можетъ боялись, чтобы пастыри церкви, получая вознагражденіе за свой трудъ отъ правительства, а не непосредственно отъ тѣхъ, для кого они трудятся, не сдѣлались-бы наемниками, заботящимися только о себѣ, а не о своей паствѣ. Хотя отъ этой опасности наше духовенство свободно нынѣ по ограниченности правительственнаго жалованья; но опасность все таки существуетъ; зачѣмъ же подвергаться ей намѣренно? При самомъ лучшемъ понятіи о духовенствѣ или и о всемъ духовномъ сословіи, не оскорбляя никого, можно сказать, что ручательство за неизмѣнно сознательный, нравственный образъ дѣйствованія лицъ какого-бы то ни было духовнаго сана невозможно, если денежное возмездіе будетъ единственнымъ вознагражденіемъ за его труды. Будетъ-ли оскорбленіемъ для духовенства, равно какъ и для всякаго другаго званія и сословія, если мы скажемъ, что человѣкъ, получающій заранѣе опредѣленное вознагражденіе за свои труды, конечно не всегда, но во многихъ случаяхъ будетъ стараться сколько можно облегчить себя отъ труда, зная, что онъ не подвергается вычету за всякую неисправность, тѣмъ менѣе за недостатокъ усердія, сердечнаго расположенія къ дѣлу, при соблюденіи всей внѣшней формы своихъ обязанностей. Еще болѣе это можно сказать о тѣхъ случаяхъ, если вознагражденіе идетъ со стороны, а не отъ тѣхъ лицъ, для которыхъ я тружусь. Что заставитъ меня, даже при гражданской, такъ сказать матеріальной, честности, быть душевно близкимъ къ моему дѣлу? Я могу быть холодно, формально исправнымъ, чтобы только не подвергнуться отвѣтственности предъ начальствомъ. Но этаго ли требуетъ званіе священника? Будетъ-ли настоящимъ священникомъ, духовнымъ отцемъ, духовнымъ учителемъ, братомъ—тотъ, кто не имѣетъ даже и одной матеріальной связи съ обществомъ, которому служитъ, и если за службу его дается одинаковое вознагражденіе—состоитъ ли она въ трудахъ, подвигахъ, или въ одной формальной исправности. Итакъ, по нашему убѣжденію, возлагать на-

дежды на улучшенiе быта духовенства съ помощiю правительственнаго жалованья не возможно ни съ матерiальной, ни съ нравственной стороны. Повторяемъ еще разъ, говоря о нравственномъ значенiи жалованья, мы не имѣли и въ мысли унижать лица или сословiе. Дѣло идетъ о матерiальномъ бытѣ, слѣдовательно и смотрѣть на его значенiе должно не съ идеальной, а съ реальной стороны. Матерiя любитъ покой, неподвижность, она повинуется только толчку,—высшихъ побужденiй для нея не существуетъ. Уже то самое, что жалованье считается главнымъ источникомъ обезпеченiя, тогда какъ ограниченность его слишкомъ очевидна, показываетъ, къ чему болѣе склонны желающiе исключительно обезпечить себя опредѣленнымъ жалованьемъ, связаннымъ не съ степенью труда и постоянной заслугой, а съ мѣстомъ, какое удастся занять. Не говоримъ о той нравственной невыгодѣ увеличенiя жалованья, разъ навсегда опредѣленнаго, какая почти неизбѣжна при настоящемъ порядкѣ вещей. Большинство священниковъ въ настоящее время начинаетъ свою службу прямо изъ за школьной скамьи, не зная нужды, потому что о нихъ заботились или правительство или родные, не имѣвъ прежде въ рукахъ значительной суммы денегъ, которою они могли-бы распоряжаться безотчетно. Не будетъ-ли тяжкимъ, неизвинительнымъ преступленiемъ, если люди вдругъ оторванные отъ среды, съ которой они свыклись въ продолженiи ученiя, чувствуя себя въ новой сферѣ въ томъ возрастѣ, когда особенно живѣе и предпрiимчивость къ дѣятельности и сильные порывы къ удовольствiямъ, не съумѣютъ распорядиться средствами? Пусть въ ихъ неосмотрительности не будетъ ничего преступнаго, но она отзовется тяжело на послѣдующихъ годахъ, она можетъ на долго испортить всѣ условiя жизни, пока человѣкъ не научится тяжелымъ опытомъ жить осмотрительно. — Нѣтъ, повторяемъ, не въ жалованьи надежда на улучшенiе быта духовенства, оно не можетъ, оно не должно быть велико: оно разрываетъ нравственную связь священника съ приходомъ.

(Продолженiе будетъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Не отвергая вполнѣ возможности подобныхъ случаевъ и съ воспитанниками духовными, довольно впрочемъ рѣдкихъ между ними, какъ лицами измальства еще привыкшими расчитывать каждый грошъ и возрастающими при собственномъ самопопеченіи, безъ гувернеровъ и дядекъ, нужно признать по крайней мѣрѣ тотъ фактъ, что одни лица духовнаго вѣдомства, и въ особенности члены церковныхъ причтовъ сходятъ и въ могилу съ тѣмъ же окладомъ жалованья, который получали при поступленіи на духовную должность. Тогда какъ съ теченіемъ службы, въ другихъ вѣдомствахъ, возвышаются гражданское достоинство служащихъ лицъ и ихъ оклады, — на церковныхъ должностяхъ, при увеличеніи семейства, оклады постепенно, съ продолженіемъ службы духовныхъ лицъ, сокращаются, хотя не въ количествѣ, но какъ средства достаточнаго обезпеченія. Можетъ быть, и нынѣшній окладъ жалованья священника довольно еще достаточенъ для него и приличенъ на первые годы службы, когда семья самъ другъ или самъ третей; но этотъ окладъ и другія источники содержанія священника уничтожаются съ каждымъ новымъ членомъ его семейства. Вотъ почему жизнь священника безотрадна въ будущемъ; со вздохомъ каждый изъ нихъ смотритъ на увеличеніе своего семейства, будучи увѣренъ съ одной стороны, что возрастаніе семейства не будетъ ему подспорьемъ какъ въ крестьянскомъ быту, а только источникомъ новыхъ расходовъ, съ другой стороны, — что долговременность службы не возвыситъ его оклада и не поведетъ къ открытію новыхъ источниковъ содержанія. Остается или бѣдность терпѣть или напрягать тѣ же источники; а отсюда попрошайство, вымагательство за требы, ссоры съ прихожанами и т. п. Здѣсь же и объясненіе дѣлаемыхъ духовенству упрековъ въ стяжательности, завистливости и т. п. Эти наши соображенія и выводы г. автора предыдущей статьи приводятъ къ убѣжденію,

что, для улучшенія быта духовенства, необходимо, не возвышая даже нынѣшнихъ всѣхъ его окладовъ, постановить прибавку 1/5 оклада за каждые 5-ть лѣтъ безпорочной службы, такъ, чтобы удвоялись оклады только заслуженныхъ священниковъ и другихъ должностныхъ духов. лицъ. Такая мѣра была бы справедливымъ вознагражденіемъ службы долговременной, умножала бы средства содержанія соотвѣтственно умноженію семейства, менѣе затруднительна для правительства, такъ какъ для осуществленія ея потребовалось бы не удвоеніе всей суммы нынѣшнихъ окладовъ духовенству, а только увеличеніе ея одной половиной, наконецъ она не лишена и нравственнаго значенія, какъ поощреніе духовенству къ возвышенію своей духовной дѣятельности.

При этомъ справедливымъ было бы уравнить оклады жалованья во всѣхъ классахъ приходовъ. Донынѣ существующее разнообразіе окладовъ, и именно возвышеніе оклада жалованья пропорціонально большему числу прихожанъ допущено было въ предположеніи, что причтъ не будетъ получать отъ прихожанъ платы или вознагражденій за требы и слѣдовательно, какъ больше трудящійся въ многолюднѣйшихъ приходахъ, долженъ будетъ и больше вознаграждаться отъ правительства за свой трудъ. Но какъ прихожане нигдѣ не отказываются отъ посильныхъ пожертвованій за требы; то и вышло: чѣмъ больше, тѣмъ больше, и чѣмъ меньше тѣмъ меньше во многихъ отношеніяхъ, и исполнилось евангельское слово: имущему дано будетъ и преизбудетъ, а у неимущаго и еже мнится имѣти взято будетъ отъ него. Еще полбѣды, если бы приходы высшаго класса можно было замѣстить достойнѣйшими священниками и причетниками; но при разновременности открытія вакансій, при неудобствѣ перемѣщать лицъ, имѣющихъ сельское хозяйство и по другимъ многимъ причинамъ, это оказывается невозможнымъ часто при всемъ добромъ желаніи епархіальнаго начальства. Отъ того можно иногда встрѣтить въ приходѣ 3-го и 4-го класса или въ городскомъ приходѣ священникомъ окончившаго курса едва не въ 3-мъ разрядѣ, потому только, что онъ преем-

ствуетъ своему отцу, женился на сиротѣ—дочери своего предмѣстника или принялъ временныя какія либо обязательства въ отношеніи къ сиротамъ бывшаго своего предмѣстника, а также бываютъ случаи, что лучшему воспитаннику семинаріи приходится весь вѣкъ священствовать въ приходѣ 6 или 7-го класса, пропитываться малымъ подаяніемъ малолюднаго прихода и послѣднимъ, сообразно малолюдству, окладомъ жалованья. Гораздо справедливѣе поступлено при назначеніи окладовъ жалованья городскимъ причтамъ: оклады ихъ равны, содержаніе ихъ получаетъ разность только отъ количества прихожанъ и большаго или меньшаго ихъ усердія къ священнику; возвышены предъ прочими въ городахъ только оклады настоятелей соборовъ.

КЪ ОТВѢТУ УЧИТЕЛЯ НА ВОПРОСЪ: »ВЫГОНЯТЬ, ИЛИ НЕ ВЫГОНЯТЬ УЧЕНИКА ИЗЪ УЧИЛИЩА«? (Кіевск. епарх. вѣдомост. 1863 г., № 4-й, отд. II, стр. 100—109).

Въ счастливое мы съ вами живемъ время, благородный защитникъ „несчастныхъ изгнанниковъ изъ училища:“ мы съ вами можемъ посудить, потолковать во всеуслышаніе и о такихъ вопросахъ, каковъ вопросъ объ „исключеніи учениковъ изъ училища“,—можемъ, если захочемъ, такъ, или иначе, разрѣшить эти вопросы, въ надеждѣ что и нашъ съ вами голосъ будетъ услышанъ даже тѣми, отъ которыхъ собственно зависитъ рѣшать вопросы, не на словахъ только и бумагѣ, — какъ это у насъ съ вами, а и фактически, приводя т. е. свои рѣшенія въ исполненіе, чрезъ примѣненіе рѣшеній къ дѣлу, къ жизни. А повѣрите ли? я еще живо помню то время, когда не только гласно разсуждать, толковать, а и тайно умаливать, упрашивать, кого слѣдуетъ, объ „исключенныхъ“, не такъ то было легко, даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ господъ, считалось дѣломъ не совсѣмъ чистымъ, по крайней мѣрѣ—не очень похвальнымъ. Станешъ, бывало, просить о какомъ нибудь ученикѣ, чтобъ его не исключали, а позволили бы ему попытать новаго счастья въ наукѣ, и непремѣнно, бывало, услышишь: „а что? вѣрно роденька? жалко? стыдились бы и просить „за такую родню“! И хоть стыдиться, разумѣется, не станешь; а все же, волею иль неволею, чувство жалости спрячешь куда нибудь подальше, да себя же и винишь въ недостаткѣ безпристрастія и административнаго такта. Забывшись какъ нибудь, рѣшишься на новое подобное ходатайство за новаго паціента, и опять тебѣ отвѣтятъ“: а! это вашъ protegè? онъ, „кажется, и квартируетъ у васъ“? Если жъ, бывало, и этимъ не вразумишься и осмѣлишься продолжить свою несчастную попытку ходатайства за исключенныхъ, тогда ужè непремѣнно разразится надъ тобою грозно-обличительное вразумленіе: „да что вы знаете? что вы говорите? мы по-

дальше вашего видимъ, побольше знаемъ"! И дѣйствительно, гдѣжъ намъ знать ученика, видая его и обращаясь съ нимъ почти ежедневно и всегда запросто — по учительски? то ли дѣло взглянуть на него въ недѣлю разъ, а не то и въ цѣлый мѣсяцъ, если не во всю треть — не больше разу! — И все это совершалось съ нами (учителями), которые, что ни говорите, а все жъ таки могли постоять за себя, да и дѣйствовали то, какъ говорится, не отъ всего сердца, а такъ себѣ, больше какъ сторонніе, по простому общечеловѣческому чувству состраданія, и, значитъ, если и съ стѣсненнымъ сердцемъ, всежъ таки могли какъ нибудь привыкнуть и дѣйствительно (хоть теперь этому и самъ не надивишься) привыкали къ подобному порядку вещей. Но каковожъ было переживать весь этотъ порядокъ тѣмъ несчастнымъ, которыхъ дѣти въ ту пору подвергались „исключенію изъ училища" и которымъ, значитъ, почти вовсе не было исхода изъ своего горестнѣйшаго, самаго безотраднаго положенія?! Ихъ, бывало, тотчасъ и отличишь между цѣлыми десятками просителей: и всѣ то просители, какъ просители, не радостны, не оживлены, какъ слѣдуетъ; а они — несчастные какъ будто именно убиты своимъ горемъ, въ собственномъ смыслѣ подавлены всею его тяжестію до того, что у нихъ уже и мысли не подмѣтишь о борьбѣ съ горемъ; отъ того то и головы у нихъ какъ то уже слишкомъ поникшія, и взоръ какъ то особенно безжизненъ; а между тѣмъ стыдъ душитъ, давитъ ихъ,—стыдъ за то, что у нихъ такіе несчастные дѣти! И ихъ же, бывало, меньше всѣхъ удостоивали аудіенціи, меньше всѣхъ допускали къ подачѣ прошеній, да и тогда даже, когда допускали, больше всѣхъ выпровожали съ отказомъ на отрѣзъ!

А слыхали ль вы, до какой цифры, въ прежніе времена, доходило число исключаемыхъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно при такъ называемомъ окончаніи курса? Печальною этою статистикою какъ-то особенно любили, или лучше, принуждены были заниматься наши сельскіе батюшки и даже матушки, и

бывало, какъ будто при нынѣшнихъ телеграфахъ, то въ томъ, то въ другомъ селѣ, тотчасъ можно было получить извѣстія: въ такомъ-то городѣ исключили 36-ть человѣкъ, въ такомъ-то 40, въ городѣ К. 47, въ городѣ О. 50-ть, а въ одномъ древнемъ градѣ, въ отсутствіе начальника, исключили 60 человѣкъ; но начальникъ, прибывши во свой градъ, нашелъ и это число недостаточнымъ; а потому, къ числу 60-ти, своею всевластною рукою, *отчеркнулъ* *) новыхъ 23 лица, такъ что всѣхъ исключенныхъ, за одинъ разъ, вышло 83 человѣка! Потрудитесь же всѣ эти цифры сложить, а сложивши и умноживши сумму на два знаменателя, отчислите на каждый десятокъ исключенныхъ, по крайней мѣрѣ, по одному невинно-исключенному (а развѣ на самомъ дѣлѣ можно этого достигнуть, даже при самомъ осмотрительнѣйшемъ исключеніи?) и потомъ рѣшите: сколько придется на каждый годъ невинно-исключенныхъ? Вѣдь цѣлые десятки невинныхъ жертвъ, и жертвъ во имя какихъ-то регламентацій, и, Богъ вѣсть, какихъ обычаевъ и привычекъ.

За тожъ, бывало, сколько и слезъ проливалось, по всѣмъ городамъ и весямъ, гдѣ только появлялись исключенные (а такихъ городовъ и весей, само собой, не мало обрѣталось по пространной землѣ русской)! Случалось-ли, напр., вамъ присутствовать при чтеніи такъ называемыхъ разрядныхъ годичныхъ, или курсовыхъ ученическихъ списковъ? Вѣдь при этомъ буквально повторялись: *плачь, и рыданіе, и вопль многъ!* Тамъ плакали исключенные, рыдали ихъ несчастные отцы и матери; трудно было удержаться отъ слезъ и тѣмъ, которыхъ хоть не исключали,

---

*) Въ прежнія времена »отмѣтки« способностей, успѣховъ и поведенія, въ разрядныхъ ученическихъ спискахъ, большею частію, бывали гуртовые, т. е. нѣсколько учениковъ и даже нѣсколько десятковъ ихъ подводились подъ одну общую категорію отмѣтокъ, для чего, противъ ученическихъ именъ съ фамиліями, проводилась прямая или ломаная линія, за которою писались отмѣтки, какъ успѣховъ съ прочими отличіями, такъ и неуспѣховъ и самаго »исключенія« съ причинами его. Это-то »проведеніе« линіи и называлось: *отчеркиваніе*, откуда и глаголъ: *отчеркнуть*.

но которымъ нельзя было не разжалобиться, смотря на горькую участь исключаемыхъ. Исключенный, бывало, изъ глубины души вопіетъ: „я хочу, я буду, буду учиться!“ а его прехладнокровно увѣряютъ: „нѣтъ, ты не хочешь, ты не будешь учиться!“ Отецъ упрашиваетъ объ отмѣнѣ грознаго опредѣленія надъ сыномъ его,—молитъ, чтобъ дали сыну еще поучиться хотя годъ, хотя полгода, наконецъ хоть треть года; ему преважно замѣчаютъ: „все рѣшено! все кончено“! И дѣйствительно, съ исключеніемъ сына, для несчастныхъ родителей, такъ какъ и для самаго сына, все отрадное оканчивалось надолго, если не навсегда; оставались, по большой части, однѣ слезы и слезы!

И было, да и теперь есть о чемъ плакать исключеннымъ и за исключенныхъ! Съ исключеніемъ ученика изъ училища, разражалась цѣлая туча бѣдствій, не только надъ самимъ исключеннымъ, а едва ли и не надъ всѣми, кто только относился къ нему, или съ кѣмъ соприкасался онъ, съ тѣмъ единственнымъ различіемъ, что въ одно время этихъ бѣдствій бывало, какъ бы, меньше, въ другое—больше,—въ одну пору они обрушивались всею тяжестію своею и разомъ, а въ другую—постепенно, мало по малу, какъ бы со всѣмъ искуствомъ и тонкостію опытнаго исполнителя пытки.—Исторія исключеній у насъ, кажется, шла такимъ порядкомъ: до 20-хъ годовъ нашего столѣтія исключали лишь въ крайнихъ и слѣдов. самыхъ справедливыхъ случаяхъ; отъ того исключенія того времени не могли быть и не бывали остракизмомъ невинныхъ, и, значитъ, такимъ зломъ, котораго бы бѣдственныя послѣдствія до невѣроятности увеличивались, не столько отъ развитія собственной, въ немъ самомъ заключающейся карательной силы, сколько отъ неправильнаго примѣненія его къ личностямъ, незаслуживающимъ карательныхъ его дѣйствій. — Въ 20-хъ, особенно въ 30-хъ годахъ случаи къ исключенію стали быстро возрастать въ числѣ, по мѣрѣ быстро увеличивавшагося числа учащихся, и такая безотрадная соразмѣрность между быстро увеличивавшимся числомъ учащихся и сильнымъ умноженіемъ случаевъ къ исключенію, вмѣстѣ съ внезапностію перехода отъ преж-

ней, можно сказать, невозможности быть исключеннымъ безъ важной причины къ новѣйшей возможности—подвергнуться исключенію за всякую малость,—сдѣлала исключеніе слишкомъ карательнымъ бичемъ, и не для однихъ только злыхъ, а и для добрыхъ, по крайней мѣрѣ для такихъ, которые легко могли бы сдѣлаться добрыми, если бы исключеніе не сбило ихъ, какъ говорится, съ толку, т. е. не пресѣкло бы имъ дороги къ образованію, развитію, не убило бы въ ихъ душѣ лучшихъ надеждъ стремленій въ жизни, и не заклеймило бы ихъ страшною печатію едва ли не всеобщаго, и почти—что совершеннаго, отверженія отъ среды, въ которой они родились, выростали, или къ которой устремлялись всѣ лучшія мечты ихъ юности.—Сороковые и послѣдующіе годы, до 60-го, не уступая своимъ предшественникамъ въ числительности исключаемыхъ, мало чѣмъ уступали имъ и въ терроризмѣ исключенія. Но все таки истинный терроризмъ исключенія процвѣталъ по преимуществу въ 20-хъ и 30-хъ годахъ: вотъ тогда то, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, terror in terra Russica laxe ambulabat et omnes intrepide deterritabat!

Я еще былъ небольшимъ мальчикомъ и беззаботно бѣгалъ по полямъ и лѣсамъ своего мирнаго роднаго села. Казалось, не только я, а и всѣ то у насъ были беззаботны и счастливы, какъ вдругъ, среди глубочайшаго спокойствія, разражается надъ селомъ страшная вѣсть: „у Артемѣевны (вдовы) сына исключили!“ Боже Ты мой, куда вдругъ дѣвалось и счастье, и спокойствіе цѣлаго селенія! Про Артемьевну, съ ея домашними, нечего ужѐ и говорить: онѣ въ собственномъ смыслѣ, за слезами, свѣта Божьяго не взвидѣли, отбились отъ хлѣба и отъ дѣла,—бродили, какъ потерявшія все лучшее въ своей жизни: ихъ, бывало, издали узнаешь, по ихъ особенно жалкому виду, по сильно тоскливому выраженію горюющей души, во всѣхъ членахъ, въ самыхъ даже движеніяхъ ихъ. И пусть бы только онѣ горевали; а то, нѣтъ, и всѣ то въ селѣ, встрѣчались ли съ Артемьевной, или съ домашними ея, или только другъ съ другомъ, а то и безъ всякой встрѣчи, въ своихъ домашнихъ бесѣдахъ и уединенныхъ

думахъ, казалось, ничего больше не умѣли дѣлать, какъ только горевать, и горевать безъутѣшно, не зная, чѣмъ горе облегчить, или какъ отъ него избавиться. Несчастный исключенный долго не являлся въ село, отъ стыда и страха, проводя, какъ птица небесная, гдѣ день, гдѣ ночь. Наконецъ голодъ и холодъ пригнали его въ родное село; но и на родинѣ уже не улыбнулась ему, какъ бывало прежде, жизнь: слезы родныхъ, жалкіе взгляды и разсужденія чужихъ подорвали послѣднія ея отрадныя надежды,—онъ бродилъ между нами, по тогдашнему у насъ выраженію, какъ неприкаянный. Къ довершенію своей отчужденности, онъ росту былъ небольшаго, вообще складъ имѣлъ слишкомъ непривлекательный; смуглость лица доходила до того, что мы прозвали его „мириномъ:“ все это, по своему дѣтскому сужденію, мы приписывали дѣйствію и вліянію исключенія, и волосенки на нашихъ головахъ, право, топорщились, при одной мысли объ „исключеніи“ и несчастной долѣ исключенныхъ.

Положимъ, что во всемъ, мною расказанномъ, много дѣйствовали: излишняя воспріимчивость впечатлительности, чрезмѣрная раздраженность напряженныхъ чувствъ, непривычка, или неумѣнье (какъ угодно назовите) бороться съ трудностями и опасностями жизни; но всежъ исключенному отъ этого не было и не будетъ легче. Что онъ столкнутъ съ избранной имъ дороги, оторванъ отъ завѣтныхъ думъ, стремленій, лишенъ права на лучшую, счастливѣйшую долю,—этого онъ не можетъ не сознавать, и этого, кажется, очень достаточно, чтобъ признать долю свою вполнѣ несчастною, и значитъ, горько призадуматься надъ ней. Покориться бы своей долѣ, какъ необходимости, и утѣшаться тѣмъ, что такъ и должно быть? Да, извольте-ка утѣшаться, когда ему получше всѣхъ многознающихъ стражей человѣчества извѣстно, что онъ не Богъ знаетъ на сколько хуже даже тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые пользуются всякимъ почетомъ въ училищѣ, и что такихъ учениковъ, какъ онъ, цѣлые десятки по училищамъ, и, между тѣмъ, онижъ не исключены, не выгнаны вонъ изъ училища, какъ негодные, а онъ—опозоренный изгнан-

никъ, отверженный всѣми, и изъ-за чего же? Или изъ-за того, что чѣмъ нибудь не понравился распоряжавшимся его судьбою,—не подошелъ подъ мѣрку ихъ административныхъ взглядовъ; или изъ-за того, что по-дѣтски, ну просто по-человѣчески провинился, столкнулся; много-много, если не успѣлъ еще развиться такъ, какъ другіе ученики, т. е., по высшему воззрѣнію, устарѣлъ, а съ другими учениками не сравнялся въ познаніяхъ; даже „малодаровитость,“ такъ безчеловѣчно аттестуемая нечеловѣческимъ именемъ: „бездарности,“ могла подвергнуть несчастливца изгнанію изъ училища: ну какъ же, послѣ всего этого, бѣдному изгнаннику мужаться, крѣпиться, не падать подъ невыносимою тяжестію горькой доли своей? гдѣ и въ чемъ находить ему утѣшеніе? Высшія стремленія у него убиты; возвышеннѣйшія цѣли опрокинуты, или и вовсе не указаны; даже ему объявлено, что эти цѣли вовсе не для него существуютъ, что ему нечего съ другими равняться,—онъ не такой, какъ другіе, породы, поколѣнія, онъ бѣдный парій... Да, извольте-ка, послѣ всего этого, бороться съ отчаяніемъ и не устремляться къ цѣлямъ дѣйствительно низшимъ!....

И устремляются.... особенно если для исключенныхъ пропадаетъ и послѣдняя нравственно-матеріальная поддержка, т. е. пособіе и попеченія родителей и родственниковъ. А изъ десяти несчастныхъ родителей, или родныхъ, у которыхъ бываютъ исключены дѣти, или родственники, развѣ десятый не падетъ самъ духомъ и мужественно вступитъ въ борьбу съ бѣдственными обстоятельствами, чтобъ спасти погибающее дѣтище; прочіе же, на ряду съ исключенными несчастливцами, и сами упадаютъ духомъ, и почти всегда также глубоко, какъ и ихъ исключенные дѣти или родственники. И причина такого страшнаго паденія очевидна и естественна: родители или добрые родные, и морально, и, такъ сказать, физически, переиспытываютъ въ себѣ и на себѣ тоже самое, что и исключенные ихъ дѣти или родственники; даже не избѣгаютъ ихъ униженія и безчестія, не смотря на всю безукоризненность собственной жизни. Не случалось ли, напр., и вамъ не разъ

слышать: „они (извѣстныя лица) и добрые, превосходные люди, да сынъ у нихъ исключенъ!“ А то вотъ и такъ еще, съ многознаменательными минами, отзываются: „она (сестра исключеннаго) и умная, прекрасная дѣвица, — со всѣми „достоинствами, да братъ у нея исключенный“....

Пора, пора намъ покончить съ этимъ безчеловѣчнымъ „исключеніемъ“ нашихъ бѣдныхъ дѣтей, нашихъ братьевъ, родныхъ, знаемыхъ и незнаемыхъ нашихъ! пора намъ изгнать изъ нашихъ школъ, изъ всѣхъ мѣстъ дѣтскаго образованія, варварско-деспотическое, неразумное изгнаніе учениковъ изъ училища, а употреблять его въ дѣло только въ крайнихъ, самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.—Во всѣхъ другихъ обществахъ и корпораціяхъ изгоняютъ, *исключаютъ* лишь тѣхъ, которые сами себя *лишаютъ* всѣхъ правъ на связь и союзъ съ ними, т. е. однихъ неисправимыхъ негодяевъ и дѣйствительныхъ, закоснѣлыхъ преступниковъ; пусть же и по училищамъ существуетъ такой же порядокъ: пусть и въ нихъ ***исключаются: не шалуны***, *не капризные* (обыкновенно величаемые въ разрядныхъ спискахъ: „дерзкими“, „не послушными“, „своевольными“, и другими еще краснѣйшими титлами), *не дѣти лѣнивыя, неразвившіяся, малоспособныя,* а лишь *отъявленные, неисправимые негодяи* и *дѣйствительные преступники* противъ религіи, нравственности и законовъ гражданскихъ. Прочіе же всѣ пусть учатся,—*учатся столько, сколько хотятъ, сколько пожелаютъ ихъ родители, или родственники, вообще—сколько позволятъ ихъ собственныя матеріальныя и моральныя средства.* Да и въ тѣхъ то случаяхъ, когда дѣйствительная крайняя необходимость заставитъ прибѣгать къ „исключенію“, *не должно исключенія производить скрытно, тайно и внезапно*; оно непремѣнно должно быть *гласное, открытое*, и, главнымъ образомъ, *непоспѣшное, несамовольное*, рѣшаемое т. е. однимъ лицемъ, и, много—много, двумя—тремя избраннѣйшими...... нѣтъ, пусть „исключеніе“ обсудятъ и рѣшатъ всѣ учителя; пусть объ немъ, и непремѣнно предварительно, узнаютъ родители, или, если родителей нѣтъ, родственники исключаемаго, и узнаютъ не для того только, чтобъ узнать и быть потомъ лицами

чисто пассивными, а чтобы, узнавши, они могли входить въ „училищный совѣтъ“ съ своими мнѣніями. По моему, и товарищи исключаемаго могутъ принимать участіе въ сужденіи объ исключеніи ихъ товарища. И вотъ тогда то, конечно, „при устѣхъ двою, или тріехъ и даже тридцати „свидѣтелей, станетъ всякъ глаголъ,—будетъ устраненъ всякій поводъ къ жалобамъ, упрекамъ, болѣзненнымъ воплямъ, къ такомъ роковомъ дѣлѣ, каково *исключеніе*—таже *смерть*, только не „политическая“, или „физическая“, а и того больше—*моральная!*

Увлекшись горькою судьбою защищаемыхъ мною съ вами, благородный мой соратникъ, бѣдныхъ „изгнанниковъ изъ училища“ я не могъ, да правду говоря, какъ вполнѣ симпатизирующій вамъ и не хотѣлъ говорить вамъ ab altera parte; даже не сдѣлалъ разбора особенно заинтересовавшихъ меня мѣстъ вашей великодушной апологіи. А признаюсь, хотѣлось бы, чтобъ кто нибудь потрудился сдѣлать и то, и другое, да и вообще, чтобъ выставленный вами вопросъ не прошелъ неуслышаннымъ и нерѣшеннымъ окончательно, какъ нашею журналистикою, такъ и тѣми лицами, отъ которыхъ собственно зависитъ окончательное рѣшеніе всѣхъ общественныхъ вопросовъ и хотѣлось бы знаете ли сколько для пользы самаго дѣла, которое всегда, если оно правое, законное, отъ возраженій и критическихъ обозрѣній, больше выигрываетъ, чѣмъ проигрываетъ—столько и изъ желанія узнать, чѣмъ бы стала защищаться *старая система исключеній*?

Кіевъ, 7 марта, 1863 г. Бывшій учитель.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ вопросу объ улучшеніи быта духовенства. По извѣстію, сообщенному въ газетѣ „Голосъ", московское духовенство имѣло въ скоромъ времени собраться въ Чудовѣ монастырѣ для окончательнаго совѣщанія о проэктѣ правилъ пенсій духовнымъ лицамъ. Въ тоже время не осталась равнодушною къ этому дѣлу и литература, какъ духовная, такъ и свѣтская. Что же говоритъ эта литература? Изъ мнѣній, высказанныхъ по этому предмету въ „Днѣ" и въ „Православномъ Обозрѣніи", болѣе всѣхъ заслуживаетъ вниманія слѣдующее предложеніе „Православнаго Обозрѣнія": „Для обезпеченія своихъ семействъ не мало могли-бы сдѣлать сами священники. Мы здѣсь не говоримъ о тѣхъ средствахъ, которыя оставляетъ всякій священникъ послѣ себя въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, въ деньгахъ и т. п. Этотъ источникъ обезпеченія не для всѣхъ въ одинаковой мѣрѣ возможенъ. Часто священникъ не имѣетъ ни рѣшимости, ни умѣнья, ни возможности скопить что-нибудь для своего семейства и умираетъ, не оставивъ ничего кромѣ одного развѣ дома съ его принадлежностями. Мы имѣемъ въ виду образованіе особенной попечительской кассы самими священниками. Для обезпеченія семействъ священническихъ могло-бы служить общество застрахованія жизни частныхъ лицъ, но условія, требуемыя этимъ обществомъ, для большинства священниковъ неисполнимы, такъ-какъ требуется плата рублей въ 50, 60. Поэтому самимъ священникамъ можно-бы устроить общество, подобное обществу застрахованія. Мы говорили со многими сельскими священниками и всѣ признавали эту мѣру полезною при настоящемъ порядкѣ вещей. Всѣ священники должны вносить въ общую кассу хоть напримѣръ рублей по 5-ти въ годъ; такой взносъ для священника нисколько не можетъ быть обременительнымъ; эти деньги у него могутъ пройти, какъ говорится, между рукъ; а между тѣмъ они будутъ залогомъ значительнаго обезпеченія его семейства; тогда напримѣръ будетъ

возможность на каждое осиротѣвшее семейство священника ассигновать сумму рублей въ 300 и болѣе. Тогда священникъ, неуспѣвшій или немогшій ничего скопить для обезпеченія своего семейства, могъ-бы быть вполнѣ увѣренъ, что онъ не оставляетъ его вовсе безъ средствъ; тогда не было-бы такой подавляющей часто заботы священника о будущности его семейства. Объяснимъ это дѣло примѣромъ. Если отъ 1,000 на примѣръ священниковъ будетъ взносъ по 5 р., то можно будетъ ежегодно, конечно, одновременно выдавать по 300 р. 17-ти осиротѣвшимъ семействамъ или по 150 р. 34-мъ семействъ; если будетъ взносъ по 7 руб., то можно выдавать по 400 р. сер. 23 семействамъ и т. д.; по мѣрѣ увеличенія первой цифры (т. е. 5, 7), очевидно должны увеличиться и послѣднія; и во всякомъ случаѣ вторая, т. е. сумма пособія осиротѣвшимъ семействамъ всегда должна быть сообразна съ первою (количествомъ взноса) и особенно съ послѣднею, т. е. числомъ осиротѣвшихъ семействъ. Возраженіе, которое можетъ быть здѣсь сдѣлано, что этотъ взносъ болѣе выгоденъ для священниковъ старыхъ, чѣмъ молодыхъ, кажется не имѣетъ особеннаго значенія, если взять во вниманіе общую пользу дѣла. Входить въ другія соображенія по этому предмету мы считаемъ здѣсь дѣломъ излишнимъ".

Къ этимъ соображеніямъ мы можемъ прибавить только напоминаніе, что духовенство уже болѣе 20 лѣтъ вноситъ ежегодно 2% получаемаго оклада жалованья для составленія пенсіоннаго капитала, къ которому причисляются и всѣ остатки отъ незамѣщенія вакансій, что къ новымъ пожертвованіямъ духовенство можетъ приступить только въ пользу семействъ, не имѣющихъ права на полученіе пенсіи и только тогда, когда эти пенсіи будутъ уже назначены изъ 2% процентныхъ, производимыхъ доселѣ, взносовъ, но что, къ сожаленію, доселѣ еще не составлены и правила о производствѣ пенсій за службу епархіальнаго духовенства и такъ долго ожидаемые пенсіоны, за службу по епархіальному вѣдомству, готовы принять характеръ попечительскаго пособія, назначаемаго иногда независимо отъ правъ службы.

— *Пособія и средства церковно-приходскихъ школъ* (изъ письма священника). Нынѣ отправленъ мною при рапортѣ къ преосвященному викарію приговоръ общества с. Толстой о содержаніи церковно-приходскаго училища. Приговору этому наконецъ удалось пережить невзгоду противодѣйствія. Въ слѣдствіе предписанія г. мироваго волости оказывать содѣйствіе духовенству на счетъ устройства школъ и обезпеченія оныхъ, настоящій приговоръ обществомъ составленъ и мнѣ врученъ для передачи куда слѣдуетъ. Ни волостной старшина прямо, ни тѣмъ болѣе общество, ни отбиратели приговоровъ не были причиною запоздалости въ составленіи сего приговора. Напишу по порядку какъ было.

Прошлой осенью я обратился къ обществу съ предложеніемъ сдѣлать приговоръ касательно обезпеченія училища, тогда уже отстроеннаго. Говорилъ объ этомъ я въ церкви неоднократно послѣ служенія, но всѣ слышавшіе мое предложеніе молчали собственно потому, что въ такомъ мѣстѣ не осмѣливались разглагольствовать. Внѣ-же церкви, при частныхъ моихъ разговорахъ съ прихожанами, всѣ отвѣчали полнымъ согласіемъ обезпечить училище съ тѣмъ однако, чтобы сельскій ихъ *Началъ* имѣлъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Я обратился о собраніи мірскаго схода къ волостному. Онъ сначала согласился на это; но потомъ раздумалъ; нужно, говоритъ, прежде спросить г. мироваго. Спросилъ. Тотъ не велѣлъ собирать схода, сказавъ: „пусть попы собираютъ себѣ таковой возлѣ церкви,“ погрозивъ впослѣдствіи (спустя не много) волостнымъ оштрафованіемъ за сборъ схода для составленія приговоровъ. Явились между тѣмъ въ мой приходъ мѣстный благочинный и помощникъ наблюдателя школъ. Приглашенъ въ мой домъ волостной, но отказался отъ дачи приговора и отъ собранія сходки. Приглашены и прихожане ко мнѣ же, и изъявили прежнее свое согласіе дать приговоръ. Но по причинѣ уклоненія въ этомъ дѣлѣ сельскаго Начала, на который люди пуще начали оглядываться, приговоръ не отобранъ. Я попросилъ трехъ прихожанъ поѣхать къ г. мировому испросить

позволенія сдѣлать сходъ. Онъ поблагодарилъ ихъ за то, что спрашиваютъ его позволенія; сказалъ даже: „пусть будетъ какъ вы хотите.“ Посланные сказали это въ волости. Волостной потребовалъ позволенія отъ г. мироваго на бумагѣ. Но бумаги не было, и опять ничего нѣтъ. Потомъ я предложилъ волости, чтобы она бумагой спросила г. мироваго, можно ли собрать сходъ. На бумагѣ написано г. мировымъ: не дѣлать ничего до его пріѣзда въ с. Толстую. Такъ вся эта затѣя и осталась.

Наступило посвященіе волости и училища октября 14-го 1862 года. На торжество приглашены были, по желанію волостнаго старшины и общества, мѣстный благочинный съ діакономъ и сосѣдній села Вороновки священникъ и соборнѣ совершена Божественная литургія, послѣ литургіи было молебствіе о здравіи Государя Императора и всего Царствующаго дома, съ колѣнопреклоненіемъ. Затѣмъ священнослужители, въ преднесеніи св. креста и хоругвей, со св. иконами и св. евангеліемъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, въ сопровожденіи народа всего села, при колокольномъ звонѣ, отправились къ волости. Здѣсь совершено водоосвященіе и освященіе волости. Оттуда возвратились въ училище, которое также освящено. О. благочинный сказалъ въ краткихъ словахъ о назначеніи училища, пожелавъ достиженія благой цѣли—распространенія грамотности въ духѣ православія и благочестія. Ни г. мироваго и никого другаго изъ постороннихъ господъ не было на нашемъ собственно священно-молитвенномъ торжествѣ. Прибылъ потомъ къ обѣду г. мировой, явились и еще двое изъ оффиціалистовъ. Скромно пошло наше уже мірское торжество, безъ подражанія нѣкоторымъ подобнымъ торжествамъ въ многочисленныхъ тостахъ, но пожелали первѣе всего здравія и благоденствія Государю Императору—Освободителю народа отъ крѣпостной зависимости, потомъ благоденствія обществу. Заговорено о приговорѣ, но послѣдовало—тоже нѣтъ. Къ духовнымъ, въ дѣлѣ обученія крестьянскихъ дѣтей, высказано даже уже недовѣріе, безъ всякаго вниманія

къ ихъ посильно-безмездному труду. Г. мировому, какъ видно было изъ его словъ, хотѣлось дождаться кого-то и чего-то. Общество впрочемъ собралось отпраздновать посвященіе волости и училища такъ, что празднество продолжалось дня два. И на другой день оно просило меня служить молебствіе о здравіи Государя, а потомъ панихиду за усопшихъ праотцевъ, отцевъ и сродниковъ.

Со времени посвященія училища обученіе дѣтей происходитъ въ немъ. Учениковъ 50 обоего пола. Изъ нихъ составленъ и хоръ пѣвчихъ, хоть и незавидненькій. Поютъ литургію Златоустаго. Деньги на учебники собираются по моей заботливости, безъ всякой раскладки на прихожанъ. И журналъ „Грамотѣй“ выписанъ для школы. Дастъ Богъ, весной купимъ еще и другія книги полезнѣе „Грамотѣя.“

Училище отстроено иждивеніемъ общества, хотя и не безъ пособія сторонняго. А между тѣмъ нельзя не отдать полной чести и похвалы волостному старшинѣ Максиму Плаксію, сельскому старостѣ Аѳанасію Поенку и цѣлому сельскому обществу. Въ концѣ 1861 года я усилилъ мои предложенія имъ о необходимости отстроить училище. Они охотно вняли моимъ предложеніямъ. Въ началѣ 1862 года., послѣ Рождеств. праздниковъ, волостной распорядился послать громаду къ главноуправляющему Ольшанскимъ имѣніемъ г. Франковскому (нынѣ покойному) просить пособія на постройку училища лѣснымъ матеріаломъ. Онъ дозволилъ вырубить лѣса въ с. Кумейкахъ. Волостной и сельскій староста распорядились обществомъ вывезть этотъ лѣсъ,—что было и сдѣлано въ ту же зиму. Чего недоставало, докупили на общественныя деньги. Волостной, принявъ самое дѣятельное участіе въ постройкѣ училища, отыскалъ и договорилъ рабочихъ и кромѣ того самъ лично выпросилъ у экономической конторы досокъ на потолокъ и кирпича на печки—и въ одно лѣто отстроено училище хорошее—домъ въ 20 арш. длины и 10 ширины. (Большій классъ 10 арш. въ длину и ширину съ скамейками какъ обыкновенно въ училищахъ, меньшій — въ 7 арш. длины и 5 ширины. Такая же комната для помѣщенія учителя, съ особою кухнею). Денежное пособіе получено

обществомъ отъ самаго владѣльца графа Владислава Владиславовича Браницкаго, въ бытность его на то время въ имѣніи. Онъ подарилъ обществу, когда оно явилось къ нему съ просьбою о пособіи, по случаю починки церкви, 200 р. серебр., изъ коихъ 100 р. отданы въ церковь, а 100 употреблены на постройку училища. Не премину сказать о пожертвованіи въ этомъ дѣлѣ и съ моей стороны, хотя и не прямо изъ моего кармана. У насъ было постановлено, при экономическомъ управленіи, священнику, вмѣсто обработки поля по проэкту, получать съ общества деньгами въ годъ 60 р. серебр. Я не взялъ за полтора года ни того ни другаго, т. е., ни денегъ ни обработки въ натурѣ, по случаю постройки училища. Обществу обошлась постройка онаго въ 400 слишкомъ рубл. серебр., кромѣ вывозки лѣса, досокъ и кирпича, мазки и покрытія дома, разумѣется соломой, и высыпки землею пола.

Съ посвященіемъ волости и училища, по желанію собственно мущинъ, соединено было возношеніе молитвъ о вожделѣнномъ здравіи и благоденствіи Государя Императора и всего августѣйшаго дома.

Такъ достигнуто у насъ отобраніе приговора касательно обезпеченія училища, такъ совершилась постройка онаго и наконецъ такимъ торжествомъ проявлено прихожанами Толстянской церкви чувство благодарности Богу и Государю за дарованную имъ свободу.

Имѣя теперь училище и въ немъ учениковъ, при добромъ сочувствіи прихожанъ грамотности, какъ бы имѣть порядочнаго учителя, умѣвшаго бы притомъ учить дѣтей пѣнію церковному. Этого вполнѣ желаютъ добрые прихожане. Сами было дома отыскали учителя и договаривали и пообѣщали 50 р. выдавать изъ волости, а 40 р. съ учащихся мальчиковъ, но не согласился, при всемъ томъ, что обѣщали ему добавить жалованья, если только онъ заявитъ себя порядочнымъ учителемъ“. Св. Т. Кисилевскій.

Отъ редакціи. Въ № 5 нашихъ Вѣдомостей, за 1863 годъ, мы перепечатали извѣстное уже всѣмъ постановленіе

кіевскаго по крестьянскому дѣлу присутствія, въ которомъ опредѣлено, между прочимъ отнестись въ кіевскую духовную консисторію о внушеніи духовенству, чтобы оно въ дѣйствіяхъ своихъ по предмету устройства школъ руководствовалось лишь пользою народа, не употребляло средствъ, имѣющихъ видъ принужденія и не нарушало правилъ, установленныхъ законоположеніемъ для созванія сельскихъ сходовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ располагало прихожанъ къ своимъ школамъ столько же лучшими способами обученія, сколько и кроткимъ обращеніемъ съ дѣтьми.

Въ тоже время нами было выражено недоумѣніе о причинѣ такого постановленія и высказано сожалѣніе о томъ, что крестьянское присутствіе не объяснило повода къ нему. Между тѣмъ въ журналѣ Министерства Народ. Просвѣщенія (м. февраль 1863 г.) это постановленіе явилось подъ титуломъ: „Дѣйствія духовенства по образованію народа въ кіевской губерніи“,—чѣмъ прямо предположенія крестьянскаго присутствія признаны характеристикою сельскихъ школъ кіевской губерніи. На тоже были намеки и въ другихъ журналахъ и газетахъ.—Представленное выше письмо сельскаго священника объясняетъ, какъ ведется у насъ дѣло народнаго образованія, кто и какъ о немъ заботится и кто противодѣйствовалъ. Мы тогда еще упомянули, что полученное крестьянскимъ присутствіемъ невыгодное понятіе о школахъ можно бы объяснить тѣмъ фактомъ, что нѣкоторые мировые посредники дѣлаютъ нынѣ (въ декабрѣ) всевозможныя затрудненія церковно-приходскимъ школамъ. Что мы имѣли основаніе это сказать, въ доказательство представляемъ слѣдующее циркулярное предписаніе мироваго посредника 4 округа черкасскаго уѣзда, отъ 26 ноября за № 594-мъ, основанное на подобномъ, разосланномъ изъ крестьянскаго присутствія: „Правительство, въ попечительной заботливости своей о улучшеніи матеріальнаго и нравственнаго состоянія жителей Государства, желая помочь всѣми зависящими отъ него средствами народному образованію открыло сельскія школы при православныхъ приходахъ, и теперь приняло на себя трудъ открытія народныхъ училищъ, снабже-

нія оныхъ учителями, знающими свое дѣло и взяло на себя надзоръ за успѣхомъ обученія. Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше пожаловать нѣкоторую сумму денегъ на устройство въ текущемъ году нѣсколькихъ народныхъ училищъ, а въ последующіе годы еще будутъ даны изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія денежныя средства на этотъ предметѣ. Дальше въ томъ циркулярѣ, предписывалось, чтобы Волостное Правленіе, созвавъ волостный сходъ, объявило о таковой милости и заботливости Его Императорскаго Величества, разъясняя при томъ, что народныя училища будутъ открываемы по заявленіи желаній и по мѣрѣ предъявленныхъ обществами денежныхъ средствъ, съ помощію въ тоже время отъ Правительства, при чемъ объявить, что отъ нихъ не требуется болѣе предъявленныхъ уже ими денежныхъ средствъ (т. е. данныхъ на церковно приход. школы), а только одно согласіе на открытіе народныхъ училищъ, которыя будутъ снабжены лучшими учителями и, находясь подъ ближайшимъ надзоромъ начальства, будутъ гораздо полезнѣе (церковно-приходскихъ?) въ обученіи дѣтей«. Нѣтъ нужды пояснять, противъ какихъ школъ направленъ былъ этотъ циркуляръ и какъ онъ былъ основателенъ, когда Кіев. Учебный Округъ предположилъ открыть въ кіевской губерніи только 20 школъ. Въ дополненіе къ этимъ широкимъ надеждамъ на министерскія суммы, возбужденнымъ напрасно во всѣхъ волостяхъ и парализовавшимъ временно труды духовенства, оставалось, конечно, инымъ мировымъ посредникамъ еще очернить церковно-приходскія школы и во мнѣніи общемъ.

— *Пожертвованія въ церковь.* Древнѣйшая въ Кіевѣ и Россіи церковь *Спаса на Берестовѣ* обращаетъ уже на себя вниманіе благочестивыхъ любителей древней отечественной святыни и, при содѣйствіи ихъ, начинаетъ принимать болѣе благолѣпный видъ. Особенное усердіе къ сему, единственному у насъ, храму временъ св. Владиміра оказано ея сіятельствомъ княгиней В. С. Голицыной, принесшей въ даръ новую бархатную, золотомъ изящно вышитую, пла-

щаницу. Другіе недостатки ея ризницы отчасти восполнены вещами, поступившими отъ супруги статскаго совѣтника Софіи В. Бутовичъ изъ приготовленныхъ, обществомъ кіевскихъ дамъ, для вспоможенія бѣднѣйшимъ церквамъ. Господь да освятитъ и воспрославитъ своею благостію любящихъ благолѣпіе дому Божія!

— *Освященіе новаго храма.* 24-го марта совершено его преосвященствомъ, преосвященнымъ Серафимомъ, епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ кіевской митрополіи, освященіе новой церкви въ зданіи кіевскаго военнаго училища. При торжествѣ освященія и въ литургіи присутствовали: его высокопревосходительство, г. кіевскій военный, подольскій и волынскій генералъ - губернаторъ, генералъ - адъютантъ, Н. Н. Анненковъ, г. начальникъ губерніи П. И. Гессе и многія другія высшія лица. Церковь устроена въ верхнемъ этажѣ зданія и весьма обширна, иконостасъ очень изящный, составленъ изъ иконостасовъ двухъ упраздненныхъ церквей: кіевской жандармской и псковской баталіона военныхъ кантонистовъ. Иконы послѣдней высокаго письма. Престолъ освященъ во имя св. Архистратига Михаила. Военное училище устройствомъ этого храма обязано особенной христіански-отеческой заботливости о немъ начальника своего, полковника Чекмарева.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 28 Марта 1863 г. Ценсоръ *Н. Щеголевъ.*

Въ Университетской типографіи.